

Алиса и Вася

An aerial photograph of a man and a woman walking away from the camera on a sandy beach towards the ocean. The man is wearing a white t-shirt and dark shorts, and the woman is wearing a long white dress. They are holding hands. The ocean is a deep blue with white foam from the waves. The sky is not visible.

Аргента Титлянова

Аргента Титлянова

Алиса и Вася

<https://litres.ru/74433568>

SelfPub; 2026

Аннотация

В предыдущей книге "Городок" описывалась жизнь Астры, героини книги, её мужа, лётчика-испытателя, его гибель. А также жизнь детей: Васи-- сына героини и его подруги, Алисы, внушки адмирала, который принял большое участие в жизни Астры. В настоящей книге рассказывается о юности Васи и Алисы, их дружбе и любви, об их разрыве, а также об истории их жизни. Вася стал пилотом- испытателем вертолётов. Алиса закончила МГИМО, работала за границей, вышла замуж за пожилого человека, своего друга. Несколько раз встречалась с Васей. Однажды они провели вместе две недели в Крыму. Две недели, полные любви, нежности и надежд. Неожиданно Алиса уехала, оставив Васе записку о том, что у них разные дороги, но она всегда будет его любить. Вскоре она родила сына, которого назвала Васей. В дальнейшем рассказывается о судьбах Васи и Алисы, их сыне и неожиданной встрече в аэропорту Нью-Йорка. Больше они не расставались.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	7
СЕМЕЙНЫЕ НОВОСТИ	7
Глава 2	24
ДЕТИ РАСТУТ	24
Глава 3	39
ПЕРВЫЙ РАЗЛАД	39
Глава 4	51
ПОЯВЛЕНИЕ САШИ	51
Глава 5	70
ГОДЫ УЧЁБЫ	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Алиса и Вася

Предисловие

Автор книги -- научный сотрудник, эколог, практически всё лето проводит в экспедициях, а зимой пишет научные статьи, а также научные и художественные книги.

В этой книге я хочу рассказать об Алисе и Васе. Как читатель знает из предыдущей книги «Городок», отец Васи был лётчиком-испытателем и погиб, испытывая новый тип истребителя, когда Васе было 4 года. Вскоре после гибели мужа мы с сыном переехали в Академгородок. Этому переезду очень поспособствовал мой друг, Андрей Андреевич. Андрей Андреевич -- опытный лётчик, он воевал ещё в Испании, герой Советского Союза. Во время войны он потерял жену, его дочь работала на Севере и умерла после войны. У него была 4х-комнатная квартира в Москве. С военных лет Андрей Андреевич дружил со Степаном Осиповичем, ныне отставным адмиралом и директором научного института в Академгородке. У адмирала жила его внучка Алиса. С моим Васькой они познакомились на ледяной горке в первый же Новый год после нашего переезда и с тех пор были неразлучны. Со временем девочка стала мне как дочь. Её родители жили где-то далеко на Севере -- отец был военным моряком-подводником, поэтому Алиса осталась в Городке на

попечении дедушки. Рассказу о Васе и Алисе, их дружбе и любви посвящена данная книга.

На новом месте мы устроились втроём: я, Вася и тётя Паня. Панна Александровна во время войны была фронтовой медсестрой. Её муж, штурман, служил в одном экипаже с Андреем Андреевичем и погиб в бою. Однажды Андрея Андреевича привезли в госпиталь, он был тяжело ранен и потерял много крови. Его кровь оказалась совместима с кровью тёти Пани, и провели прямое переливание. С тех пор они были связаны кровно. Панна Александровна жила у Андрея Андреевича и фактически была хозяйкой в его квартире. Мы познакомились с Панной Александровной в Лётном городке, где она работала медсестрой в детском саду. Тётя Паня искренне привязалась к Васе и ко мне, поэтому охотно согласилась переехать с нами в Академгородок и стала частью нашей небольшой семьи.

С Олегом Окоёмовым, отставным полковником, я познакомилась ещё в Лётном городке, когда он испытывал радар на самолёте моего мужа. В Академгородке он был очень известным человеком, поскольку «всё знал, всё понимал и всё умел». В Городке он взял под покровительство моего сына, и фактически воспитал его. Мы стали с ним большими друзьями, он помогал мне в трудные для меня времена. Но главное -- он воспитывал Ваську. Для Васи он был и другом и отцом.

Много людей встретилось в нашей жизни. О некоторых из них также будет написано в этой книге.

История детей в этой книге начинается в 1965 году, когда им обоим исполнилось по восемь лет.

Глава 1

СЕМЕЙНЫЕ НОВОСТИ

Как-то вернувшись из института, прямо от двери услышала торжествующие крики своего сына. Открыла дверь и увидела, что Вася спрыгнул с моего стола. Не успела я возмутиться, как он закричал: «Мама, мама, Леонов вышел в открытый космос!» Тогда я поняла, что мой стол -- это космический корабль, а мой сын чувствует себя Леоновым, и спросила: «Да ну! Когда? Сколько он там пробыл? Как он там держался?» Васька, сидя на полу, ответил: «Он в скафандре шагнул из корабля в открытый космос, тросом был привязан, и пробыл там двенадцать минут и ещё девять секунд! Там была какая-то нештатная ситуация, но о ней расскажут потом. Мы раньше американцев! Ура!» «Поздравляю, - сказала я. - Теперь ты собираешься стать космонавтом?» «Нет, лётчиком. Может быть, и самолёты полетят в космос?» И тут же сам поправился: «Нет, самолёты в космос не полетят. Там же воздуха нет».

Прибежала Алиса с той же новостью. Васька стал рассказывать Алисе, как будто бы она сама не слышала новость по радио. Так весь вечер и прошёл в разговорах о космосе и наших космонавтах.

Приближалось лето. Мне надо было ехать в очередную экспедицию, тётя Паня уезжала в Москву. Я не знала, с кем же мне оставить сына, но Олег рассказал мне про спортивный лагерь для юных каратистов, который бывает каждый год. Ведь и Вася, и Алиса занимались каратэ с пяти лет. Этот лагерь был как раз для них.

На следующий день я пошла на собрание родителей. Узнала подробности. Мне всё понравилось.

Вечером рассказала Вале, он уже знал. И снова была проблема: Алиса и её родители. Люба писала, что за Алисой приедет отец и увезёт её на всё лето. Алиса же хотела ехать в лагерь, и дед её поддерживал. Именно он попросил меня позвонить Любе и сказать, что пусть лучше она приедет погостить в Городок на июнь. Алисе важно поехать в лагерь, потому что осенью будут соревнования на очередной пояс. Люба обещала подумать, и, в конце концов, дело решилось в пользу Алисы. Девочка была довольна, а Васька в восторге. Вот теперь я могла спокойно уезжать в экспедицию на время, пока мой сын был в спортивном лагере.

Возвращались дети в начале июля, и мы с Любой, мамой Алисы, пошли их встречать. Автобус должен был прийти ровно в десять. Утро было прекрасное: яркое солнце, синее небо и свежая листва, омытая вчерашним дождём! Мы надели белые платья, разноцветные бусы, красивые босоножки и чувствовали себя молодыми и весёлыми. Так оно и было: весь Городок в то время был молодым и весёлым. Око-

ло кинотеатра «Москва» собралась толпа встречающих, в основном молодые, радостные и нарядные мамы. Ровно в десять подошел автобус. Первым из автобуса вышел сэнсэй[[1] «сэнсэй» — это официальный титул и уважительное обращение к главному тренеру, который имеет право обучать других. Это не просто спортивный инструктор, а духовный наставник и непререкаемый авторитет в рамках школы.][1], а затем и наши каратисты стали выходить по одному. Каждый кланялся сэнсёу, тот тоже отвечал поклоном. Вышли и наши, впереди Алиса, за ней Вася. Алиса, поклонившись сэнсёу, тут же бросилась к своей маме. Вася тоже поклонился сэнсёу и подбежал ко мне. Мы пошли домой.

В субботу мы отправились с Олегом на прогулку в лес. Он спросил: «Когда уезжаешь в Венгрию?» -- «Тридцатого августа». -- «Когда вернешься?» -- «В конце сентября, где-нибудь в двадцатых числах. Мне же надо ещё на отбор проб в Барабу!» -- «Вот об этом, - задумчиво сказал Олег, - я и хотел с тобой поговорить. Ты постоянно уезжаешь и приезжаешь, приезжаешь и уезжаешь». -- «Такая у меня работа!» -- сказала я. Олег продолжал: «Каждый раз, когда закрывается за тобой дверь, Вася плачет». -- «Нет! - я почти закричала. - Не может быть! Он провожает меня весело!» «Да. Но когда закрывается дверь, он плачет». «Откуда ты знаешь?» -- удивилась я. «Мне сказала Панна Александровна, потом я поговорил с Васей». -- «И что он тебе сказал?» - я уже почти плакала. «Боится, что ты не вернёшься». -- «Почему?»

- я плакала всерьёз. «Не объясняет. Только однажды сказал: «Папа уходил, летал и приходил, а потом не пришёл». И перестань рыдать! Просто поменьше езди, побольше бывай дома. И поговори с сыном». Мне осталось только сказать Олегу спасибо за то, что он мне это рассказал. Но Олег продолжал: «До конца августа ещё есть время, я понимаю, что ты готовишься к лекциям в Венгрии, но возьми отпуск и побудь с Васей. А когда будешь в Венгрии, пиши ему как можно чаще, посылай красивые открытки. Он будет нам их показывать и радоваться, что с мамой все хорошо. А лучше -- звони!»

Я обняла Олега, прижалась к его плечу и сказала: «Не знаю, почему на меня валятся несчастья? Думала, что у меня будет счастливая жизнь с мужем, а вместо этого могила, да и та в Лётном городке!» Голос Олега стал жёстким: «Жизнь состоит из приобретений и потерь. Мы теряли на войне и друзей, и любимых. С этим приходится жить». Дальше мы шли уже молча. Я взяла отпуск, готовилась к лекциям и много времени проводила с Васей.

Новый 1966 год мы с Васей поехали встречать в гости к моим друзьям: Дине и её мужу, Виктору, командиру отряда вертолётчиков.

Приехав, увидели, что в квартире много людей: Виктор и Дина с сыновьями, Аня -- сестра Дины и родители Виктора. После того, как я расцеловалась со всеми, сели за стол. Хорошо встречать старых друзей и чувствовать себя так, как будто бы ты дома. Васька спросил: «А какое у вас время? Какая

разница с Новосибирском?» -- «Два часа», - ответил Виктор. «Значит, Алиса встретит Новый год на два часа раньше?» -- «Да, - ответила я, - а мои родители ещё раньше». -- «Я поздравлю Алису два раза! - заявил мой сын, - когда у них будет двенадцать и когда у нас будет двенадцать».

Ровно в десять, когда мы рассаживались за столом, Васька ринулся к телефону. Он успел поздравить Алису, а вот попозже, когда я пыталась поздравить своих друзей, пробиться уже не могла. В двенадцать, как всегда, крики «С Новым годом!» под звон бокалов, шутки, смех. Васька вскочил со стула, но телефон уже звонил: «Это Алиса!» - и Васька сплясал.

Встретили Новый год дружно, весело. Взяв обещание с Виктора и Дины приехать к нам ровно через год, мы с Васей вылетели к себе домой. У дверей нас встретил Лай, собака, подаренная мне шаманом в Туве, в деревне, рядом с которой стоял наш экспедиционный лагерь. Из кухни вышла улыбающаяся тётя Паня. В квартире было чисто, уютно, и пахло пирогами.

Мы вернулись к нашей обычной жизни: я работала, Вася учился, тётя Паня управлялась по хозяйству. Как-то Я поинтересовалась, что делает Алиса. «Учит французский, - уныло ответил Васька. - И зачем, мама, ей два иностранных языка? Вот мне и одного довольно». Тут я решила взять реванш: «А сколько языков знает дядя Олег?» -- «Четыре, - ответил сын и покраснел». Я обняла его, поцеловала и утешила: «Не расстраивайся! У тебя ещё всё впереди!»

В начале лета мы с адмиралом снова проводили детей в спортивный лагерь. Как и в прошлом году, это был лагерь катистов, куда ехали и сэнсэй, и его помощница, некрасивая стройная женщина. Ребята были довольны, им нравилось в лагере. Адмирал грустил, сказал: «Тоскливо без Алиски! А приедет из лагеря, поедет к родителям. И Пани не будет». За прошедшее время адмирал с тётей Паней подружились. И видимо не только потому что она поила отварами его больную жену. Вероятно от того, что сошлись характерами.

После лагеря Алиса уехала к родителям на Крайний Север, а я отвезла Васю к своим родителям на Дальний Восток.

Осенью Вася вернулся первым, Алиса ещё оставалась у родителей. Вася её очень ждал. Я тем временем села готовить материал к своей второй книге. Работалось спокойно и хорошо. Как-то ворвался Васька с радостным криком: «Алиса приезжает завтра! Алиса приезжает!» Степан Осипович взял Васю с собой встречать Алису. На следующий же день она пришла в гости, очень хорошенькая, в белом платье. Я смотрела на детей, как они выросли. Они уже перешли в пятый класс и стали подростками. До школы оставалось совсем немного дней, дети догуливали свои каникулы.

В самом конце месяца приехала тётя Паня, а первого сентября мы проводили детей в школу.

Дни шли, приближался Новый год. Олег уже спрашивал, как мы будем отмечать. Строили планы, в чем активное участие принимали Вася и Алиса. И все бесполезно: тяжёлый

грипп. Первым заболел Олег. Позвонил, сказал: «Сама не приходи и Васю не пускай. У меня грипп и, кажется, не из лёгких».

Васю не пустила и сама не пошла, а вот тётя Паня пошла к Олегу проведать, понесла пироги и, конечно заразилась. Двадцать девятого декабря слегла она, на следующий день Вася, а потом и я. В доме адмирала болели все, кроме Дуси, приходящей домработницы, которую призвали на помощь. Она не болела. И не только обслуживала всех в доме адмирала, но и нам приносила еду, которую ел один Васька. Мы с тётей Паней пили только воду: некому было готовить отвар. И всё-таки Новый год мы встретили. С трудом тетя Паня дошла до кухни, принесла нам коньяк, а Васе -- лимонад. Послушали бой курантов, но даже не стали смотреть «Голубой огонёк».

Утро первого января, солнечное, по-видимому, морозное. Проснулась рано, слабая и с головной болью. Чувствовала себя совсем одинокой, вспоминала своего мужа, его смерть, а затем и человека, которого я полюбила в Академгородке -- декана факультета, Бориса Михайловича. Думала: «Шесть лет и две смерти. За что это мне?» Я уже не страдала, как после смерти Бориса, приняла её. Понимала, что забиваю все свои чувства работой. А сейчас, лежа в болезни, осознала, что моя печаль не только от того, что мой муж и Борис ушли из жизни, но и от того, что я осталась совсем одна. Мне нужно было плечо друга, объятия, поцелуи и чтобы кто-то сидел

сейчас рядом и утешал меня. Ничего этого не было!

Услышала, как встала тётя Паня, а Лай, который постоянно лежал около моего дивана, лизнул мне руку. Тётя Паня была ещё слаба, но всё-таки сварила кофе. Васька ещё спал. Приняла лекарство и снова задремала. Проснулась от звука голоса тёти Пани, которая с кем-то говорила по телефону. Услышала: «Нет, тесто на дрожжах надо завести с вечера», - и дальше что-то о пирогах. Тётя Паня положила трубку, и я спросила: «Кому это вы даёте рецепты? Кто ещё не испёк новогодние пироги?» -- «Олег», - спокойно ответила тётя Паня. Я подумала: «Господи, он ещё и пироги печёт!»

Проснувшийся Васька спросил меня: «Ну как ты, мама?» -- и пошёл к телефону звонить Алисе. Его отшила Дуся, сказав, что Алиса спит, и нечего тут болтать по телефону! Васька обиделся, но тётя Паня позвала его есть манную кашу с вареньем, и он немного развеселился.

Я что-то читала, откладывала книгу, засыпала и снова просыпалась. Так прошло первое января. На следующий день мне стало немного лучше, а Ваське -- совсем хорошо, и он заявил: «Завтра пойду к Алисе. Я уже выздоровел». А к обеду пришел Олег с пирогами. Он что-то подарил тёте Пани ещё в прихожей, я слышала её восхищённые возгласы. Они вошли в комнату. В руках у тёти Пани был горшок, а в нём какое-то маленькое кривое деревце. «Что это?» -- спросила я. «Бонсай!» -- ответила тётя Паня. -- «Давно хотела иметь».

Олег разговаривал с Васей, обсуждали какой-то тип само-

лѐта. Наконец, он подошел ко мне: «С Новым годом!» – поцеловал руку и протянул книгу, Рей Бредбери «451 градус по Фаренгейту». «Это фантастика? – спросила его. – А я люблю политические детективы». -- «А ты почитай-почитай!» – ответил Олег.

Ближе к обеду я встала с постели, пироги были вкусные. Спросила Олега: «Уже в который раз хочу узнать, чего ты не умеешь?» Он засмеялся: «Говорил тебе, многое, но могу научиться».

Пёс Лай

Я почувствовала, что сегодня ещё всё-таки Новый год, и куда-то ушли мои печальные мысли об одиночестве. Когда устала, снова легла. Олег спросил: «Видел у тебя на столе книгу о химии прошлого, настоящего и будущего. Можно посмотреть?» -- «Конечно». Около часа я дремала, а он просматривал книгу, что-то читал, наконец, подошёл ко мне, присел на стул и сказал: «Всегда знал, что академик Всеволожский – выдающийся учёный. Но не думал, что он такой мыслитель. Редкий случай даже среди академиков. Я понимаю, как тебе без него тоскливо». Я молча кивнула в ответ.

Олег провёл с нами весь день и ушёл только вечером.

Этой весной Алиса и Вася должны были получить красные пояса, так как они занимался каратэ уже пятый год. Выступление детей на соревнованиях было прекрасным. Присутствовали не только домашние, но и друзья юных спортсменов. По этому поводу был устроен праздник в коттедже адмирала. Пироги тёти Пани были сверх всяких похвал и съели их очень быстро, так как Вася и Алиса пригласили всю группу каратистов -- десять человек.

На тренировке

В один из апрельских дней, когда весна была в разгаре и сияло солнце, ко мне пришёл Олег. Поскольку мы не сговаривались заранее, спросила: «Я тебе нужна?» -- «Нужна!» - ответил он с явным подтекстом. - Я намереваюсь сделать тебе предложение». -- «Предложение? Какое?» -- «Предложение выйти за меня замуж». Я оторопела и переспросила: «Ты? Предлагаешь мне? Выйти за тебя замуж?» -- «Да! Я предлагаю тебе! Выйти за меня замуж!» Немного помолчала, а потом ответила: «Что ж, у каждого барона своя фантазия». Олег рассвирепел: «Чего угодно ожидал: «да!», «нет!», «давно пора!», «пошёл к черту!», но только не про этого дурацкого барона с его фантазиями!» -- «Сколько вам объяснять, - взмолилась я, - что это не один барон, а их много. И у каждого своя фантазия! И к тому же я не понимаю, почему я должна выходить за тебя замуж?» -- «Объясняю», - ответил Олег, и снова в его глазах была насмешка, - «во-первых, ты хочешь выйти замуж, но ты не выйдешь замуж без любви, а влюбиться ты не можешь». -- «Почему это я не могу влюбиться?» -- «Потому что ты любила. Любила Героя. Любила Мыслителя. Любой мужчина будет для тебя недостаточно Героем или недостаточно Мыслителем». Рассуждения Олега меня развеселили. Я уже смеялась. «Хорошо, ты меня убедил, а кто ты?» -- «Я -- инженер. А инженеры – это те, кто изобретают, конструируют и делают вещи. И в этом ты разбираешься. Вторую причину ты сама знаешь [я знала --

это Вася], а третья -- ты хочешь дочку». Последним я была тронута. Совершенно серьёзно спросила: «А ты гарантируешь мне дочку?» Олег также серьёзно ответил: «Пятьдесят на пятьдесят». И тут в квартиру вошла тетя Паня. «Панна Александровна, - обратился к ней Олег, - я только что сделал Астре предложение». -- «И что она ответила? - заинтересованно спросила тетя Паня. «Обещала подумать и через неделю дать ответ». -- «Значит, согласится, - решила тетя Паня. -- Не хотела бы, сразу бы дала от ворот поворот». -- «Я, кажется, вам уже говорила, - вступила я в дискуссию, - что я особенно люблю, когда меня обсуждают при мне!» Но тетя Паня отмахнулась и сказала: «Пошли на кухню, выпьем чего-нибудь крепкого!» Что мы и сделали.

Наступило лето, дети снова поехали в спортивный лагерь. Через месяц они возвращались, и мы с Олегом отправились их встречать. Ровно в десять подошел автобус. Как всегда, первым из автобуса вышел сэнсэй, а потом один за другим выходили юные каратисты. Вот и наши! Высокие, стройные, красивые, уже не дети. Поклонились сначала сэнсэю, также серьёзно поклонились нам. Я обняла и поцеловала их обоих. «Дядя Олег!» - обрадованно сказала Алиса. - «А где дедушка?» Олег поцеловал её в макушку и ответил: «Он приедет к вечеру, отобедать прошу ко мне». Назначили встречу на два часа и распрощались.

Вася проводил Алису и быстро вернулся. Вначале он рассказывал мне о лагере, а потом я сказала сыну, что собира-

юсь выйти замуж за Олега, но спрашиваю его, Васю, согласен ли он? «Мама! – закричал Васька. – Да я всегда согласен, давно согласен! Одно время думал, ты никогда не выйдешь за него замуж. Я очень рад, что вы так решили!» Я обняла сына, он был почти с меня ростом.

Вскоре мне надо было уезжать в экспедицию, а тётя Пяня собиралась уехать в Москву. Олег с Васей договорились, что Вася будет спать в нашей квартире, на балконе, а к восьми утра после пробежки приходить к Олегу, который взял отпуск на весь июль. Душа моя была спокойна за сына, и я была счастлива, видя, как он привязан к Олегу. Перед отъездом сказала ему: «Всё обдумав, отвечаю: да!» -- «Тогда в августе». -- «Да!»

Я уехала на стационар, и вернулась уже в августе, к свадьбе. Поднялась в квартиру, повернула ключ. Вася тут же вбежал в комнату с балкона. Снова удивилась, как за это время подрос мой сын. Он с ходу стал мне рассказывать, как прекрасно они жили с дядей Олегом. Пришлось прервать его и сказать, что нам нечем завтракать, и отправить в магазин. За завтраком Вася рассказал, что приехали родители Алисы, дядя Валера и тётя Люба с маленьким Стёпкой, поэтому Алиса никуда не уезжала и т.д. Наконец, я сказала: «Сейчас сделаю несколько звонков и пойду к дяде Олегу». -- «Хорошо! - сказал сын. - Покормлю Лая и мы с ним пойдём гулять. Я сегодня обедаю у тети Любы, она пригласила». Поцеловала сына: «Скажи тете Любе, что я зайду к ней завтра».

Тринадцатого августа прилетел Андрей Андреевич, а четырнадцатого к двенадцати часам мы пошли в ЗАГС. Компания собралась не такая уж маленькая: Вася, Алиса, тётя Паня, Андрей Андреевич, малознакомый мне физик, свидетель Олега, и сотрудники моей лаборатории -- невообразимо красивая Ленка, Люба, Валера -- итого десять человек. Процедура регистрации была очень простой: расписались в книге регистрации, я осталась под своей фамилией, обменялись кольцами, поцеловались и пошли к выходу. А вот тут я увидела целую толпу: слева от крыльца - половина лаборатории Олега, те, кто не уехал в отпуск. А справа -- мои бывшие студенты, ныне аспиранты, и моя лаборатория, возглавляемая Кешей. Кеша произнёс небольшую речь, за ним выступил любимый ученик Окоёмова, а затем полетели пробки от шампанского. После всей этой шумихи и веселья услышала голос тёти Пани: «Слава богу, что мы с Дусей приготовили обед на двадцать человек! Всем хватит».

Праздничный обед состоялся в коттедже адмирала -- это был его подарок на нашу свадьбу. Всего было много: и речей, и поздравлений, и подарков. Как всегда, Лена с Кешей пели шуточные куплеты. Когда только успели подготовиться? Смысл был такой. Лена пела: «Хотела бы я выйти замуж за него, но...» -- дальше следовали «пороки» Олега в шуточном тоне: слишком умен, слишком много всего знает, слишком много книг читает и т.д.

За каждым куплетом Лены следовал куплет Кеши: «Хотел

бы я на ней жениться, но...» - и дальше следовали мои «недостатки»: вечно занята, то лекции читает, за границу уезжает, то в поле, то в бегах и вечно впопыхах!

Все смеялись, а больше всех мы с Олегом. Как я потом узнала, Лена звонила Кеше и они договорились, как отметить этот торжественный день. Разошлись все уже поздно, а следующим вечером поездом мы уехали в Челябинск, в свадебное путешествие, где жили наши друзья художники, среди них -- Рубен Гарбриэлян, который ранее написал для меня картину «Самолёт поднимается».

Из свадебного путешествия в Челябинск мы привезли несколько картин и массу впечатлений.

Глава 2

ДЕТИ РАСТУТ

Как-то утром я проснулась рано. Утро было сереньким, ожидался снег. Настроение у меня было хорошим, я бы сказала, деловым. Думала: «Я вышла замуж и должна строить свою жизнь, исходя из этого. Время моё должно быть чётко распределено между Олегом, Васей, лабораторией и написанием докторской». Мне казалось, я нашла правильное решение, о котором завтра же расскажу Олегу. И тут не то чтобы меня толкнуло изнутри, но что-то произошло. Почувствовала тёплую волну, прошедшую по телу. И вначале нерешительно, а затем радостно подумала: «Ребёнок!»

Вася собирался в школу, я записалась к гинекологу. Когда я вошла в кабинет, врач, моя старая приятельница, Эля, внимательно посмотрела на меня, рассмеялась и сказала: «Ты явно не больна. У тебя счастливый вид. Беременна?» -- «Думаю, да». Она внимательно меня осмотрела и сказала: «Да, недель шесть. Как ты себя чувствуешь?» -- «Я чувствую себя прекрасно! Только мне все время хочется есть». Эля засмеялась: «Хороший признак! Надеюсь, обойдется без токсикоза. Побольше спи, ешь фрукты, овощи, витамины, обязательно гуляй».

Несмотря на то, что я была очень занята работой, я часто думала о будущем ребёнке и надеялась, что это будет девочка. А в это время Олег, тётя Паня и Вася создали свою команду, и обдумывали обмен двух наших двухкомнатных на одну четырёхкомнатную. Девиз у команды был: «Новая квартира». Я в этом процессе участия не принимала.

Как-то Олег, хитро улыбаясь, сказал: «Вечером адмирал приглашает нас на чай». Адмирал встретил нас, как всегда, приветливо и рассказал: «Скоро сдаётся новый дом, может быть, к Новому году. Там есть четырёхкомнатные квартиры, и моему институту выделена одна из них. А я пригласил на работу двух сотрудников из Москвы. Они оба семейные и для них нужны как раз двухкомнатные квартиры. Так что с вашего разрешения я отдаю Институту математики четырёхкомнатную, а Президиум мне отдаёт ваши квартиры».

С этого момента команда «Новая квартира» что-то смотрела, обсуждала, решала, а я сидела и писала доклад.

В один из дней мы пошли осматривать нашу новую квартиру. Мне понравились и место, и дом, и квартира. Главное, там была большая кухня, небольшая комната в начале коридора, для Олега. Достаточно просторная, с выходом на лоджию, с которой виден лес и двор -- для меня и ребёнка. «А где будут жить Вася и тетя Паня?» – спросила я. «Есть ещё одна маленькая и очень большая комната. Разберёмся». -- «Очень хорошо, разбирайтесь!» – сказала я.

Время шло. Наступил 1968 год. Как всегда городков-

ский народ встречал Новый год на улице около кинотеатра «Москва», но на этот раз я туда не пошла. Вася и Алиса очень хотели покататься на горке, решила их отпустить одних или с Олегом. Олег согласился, и ребята были рады. Новый год мы встречали спокойно в коттедже адмирала. В два часа вернулись с горки Вася и Алиса, весёлые, довольные, разбурьявшиеся, и вместе с ними Олег. Началась вторая встреча Нового года. А я ушла в комнатку, которая так и называлась «Панина», и заснула.

В конце января, обменяв две свои двухкомнатные на одну четырёхкомнатную, мы переехали в новую квартиру. Меня удивили изменения в большой комнате. От большой комнаты была отгорожена одна треть с окном. «Это Васина комната», - сказал Олег. «Разве можно строить что-то в новой квартире?» - удивилась я. «Если по уму, то можно», - ответил Олег. Я была рада, что у сына будет отдельная комната. Он уже большой, и она ему нужна.

После переезда, всех хлопот по устройству и новоселья, которое было чрезвычайно шумным, наступили спокойные февральские дни. Я ездила на работу и сидела над диссертацией за своим столом. Летя Паня жила на два дома, Вася всё устраивался в своей комнате. Олег подолгу бывал на работе. Вечерами уже после ужина мы с ним, как и раньше, подолгу разговаривали на разные темы, или он читал мне вслух. В семье царил мир.

Беременность проходила хорошо, и в середине мая я ро-

дила девочку. Мы выбрали ей имя -- Оленька.

В это время я получила письмо от Нино. Ещё одно письмо было адресовано Васе от Гиви. Гиви и Нино были нашими старыми знакомыми ещё по Лётному городку. Гиви был лётчиком, Нино занималась переводами с разных языков на грузинский. Нино писала, что они приглашают Васю на лето к себе, в Лётный городок: «Жить он будет в твоей комнате», так и написала «в твоей». Она надеялась, что Вася подружится с её сыном, и что Васе будет хорошо с ними. Долго думала. Я боялась Лётного городка. Вечером рассказала Олегу о письме Нино и пожаловалась, что чем дальше, тем больше я боюсь за Васю. Олег задумался, потом сказал: «Он все равно будет летать. Ты его не удержишь, да и удерживать не будешь. Пусть едет». Понимала, что Олег прав.

В начале июля я с коляской встречала Васю и Алису из спортивного лагеря. Как всегда, первым из автобуса вышел сэнсэй, затем открылась задняя дверь, и стали выходить юные каратисты. Вышли Алиса и Вася, и снова я подумала: «Какие же они большие, высокие и ловкие!»

Дома Вася прочитал письмо от Гиви и сплясал джиггу. Вася любил Лётный городок и очень хотел туда поехать. Вскоре Вася улетел.

Пролетел год. В семье и на работе всё было совершенно спокойно. Дочка стала большой, самостоятельно отказалась от груди, ещё не ходила, но ползала очень быстро. Часто она навещала в комнату отца, с которым они стали больши-

ми друзьями. Я пыталась как можно больше времени проводить с Оленькой, но у меня этого времени просто не было. Пообещала директору положить ему на стол свою диссертацию вместе с диссертациями моих бывших студентов, а ныне аспирантов, Лены и Кеши, и проводила дома три дня в неделю, на что директор смотрел сквозь пальцы.

Большой неожиданностью для меня стала поездка в Чехословакию. Роман Викторович вызвал меня к себе и как-то смущаясь объявил: «Вы включены в делегацию советских учёных для поездки в Чехословакию, в Братиславу. Там профессор Ружечка собирает конференцию. Вы должны представить доклад. Завтра же зайдите в Иностранный отдел и получите все инструкции».

Мой первый выезд за границу с докладом прошёл успешно. Я подружилась с некоторыми чешскими учёными, в особенности с Мартой Тесаржевой и с Бланкой Улегловой. Домой я вернулась, полная впечатлений. Денег у нас было мало, но на небольшие подарки хватило. Дома было все в порядке, Олег в хорошем настроении, Васька с отличными отметками. Дочка без меня начала ходить. Она бросилась ко мне, я взяла её на руки, прижала к себе, и она неожиданно расплакалась. На что тётя Паня заметила: «Как известно, и от радости плачут».

А вскоре в семье состоялся разговор о Дне рождения дочки, которой исполнялся год. Мы собрались на совет: Олег, я, тётя Паня и Вася. Вопрос был один: что подарить Оленьке в

её первый День рождения? Вначале высказалась тётя Паня: «Я сошью ей платьице. И каждый год ко Дню рождения буду шить ей новое платье, а если доживу до её свадьбы, то и свадебное сошью». Вася сказал: «А я не знаю, что ей подарить. Она ещё маленькая. Самолёты ей, наверное, неинтересны?» -- «Нет, Вася, - твердо сказала я. – Никаких самолётов! Никогда». Тут вступил Олег: «Вы же знаете, часто у нас на лоджии появляется белка, которая очень понравилась Оленьке. Она называет её бека». -- «Да она только «папа» и «мама» говорит!» – возмутилась я. «Ты не знаешь, потому что редко бываешь дома!» – возразил Олег, и голос его был жёстким. Потом он снова обратился к Васе и уже совсем другим тоном сказал: «Пойдём с тобой в лес, выберем подходящие корни, из которых можно вырезать фигурки. И ты подаришь ей деревянную белку. Она будет рада».

Они так и сделали, и Оленьке понравилась деревянная белка. А Васе понравилось обрабатывать корни. И с этого года он дарил своей сестрёнке деревянную игрушку, вырезанную из корней: собаку, лисицу, волка и даже медведя. Оля очень любила эти игрушки, и уже став взрослой, хранила их.

«Ну а я, - сказал Олег, - подарю ей плавательный круг. Пусть она плавает в ванне, а летом я научу её плавать в нашем море. Буду дарить ей коньки, лыжи, велосипеды...» -- «И горные лыжи», - добавила я.

И действительно, с этого Дня рождения и до самой своей смерти он дарил ей и коньки, и лыжи, и велосипеды. И, мо-

жет быть, именно благодаря этому Оля выросла настоящей спортсменкой. Особенно она полюбила горные лыжи, а затем увлеклась биатлоном. Около двадцати лет Олег сопровождал её и в велосипедных прогулках, и на горных спусках, и на маленьком ялике, который купил к её двадцатилетию. А всё началось с плавательного круга...

«У тебя широкое поле для выбора подарка, – сказал мне Олег. – Конфеты и игрушки, книги, безделушки». -- «Хорошо, – ответила я. – Буду дарить ей игрушки, книги, картины и ковры». Сказала и поняла, почему картины и ковры: это то, что дарил мне отец. На этот раз у меня был прекрасный подарок: плюшевый медведь из Чехословакии с задорным выражением на хитрой мордочке. Этот медведь жив у дочери до сих пор.

День рождения Оленьки прошёл очень весело, хотя у неё был только один гость: сын Лены, Ванька. Дети подружились немедленно и сохранили дружбу на много лет.

В июне моя лаборатория готовилась к выезду на Алтай, запланировали экспедицию на два месяца. Алтай нам очень понравился, чистый воздух, быстрые речки, зелёные травы, а иногда и лесочки.

Время шло, погода была замечательной. Если случались дожди, то короткие. Мы единственный раз в моей жизни работали не торопясь и удивительно много успели. Каждую неделю я писала домой и получала ответы. Дома всё было хорошо, никто не болел. Вася вернулся из лагеря. Ему ещё

не было четырнадцати, но с моего письменного разрешения его приняли в парашютный кружок при аэроклубе в Новосибирске. Как писал мне Олег, Вася проводил в аэроклубе целый день, возвращаясь домой после семи вечера. Олег писал, чтобы я не беспокоилась, ни одного несчастного случая не было, инструкторы опытные, юношеский кружок очень дружный. Поняла, что Олег уже свой человек в аэроклубе. Так прошли два месяца на Алтае. Этот маршрут в моей памяти остался как самый интересный и удачный.

Прошёл год. Был ясный, тёплый осенний день. Я сидела в кресле на террасе дачи, которая недавно появилась в семье Кеши. В песочнице играли моя маленькая дочка и Ленин сын. Кеша с Леной наблюдали за детьми, сидя на скамейке, а я думала. Этим летом мы не ездили в экспедицию. Вспомнила, как прошлым летом, вернувшись с Алтая, открыла дверь своим ключом и увидела на пороге большую собаку – Лая – и маленькую девочку, мою дочку. Лай часто встречал меня у порога. Видимо, дочка прибежала за ним. Оленька тянула ручки: «Мама, мама!» Подхватила, прижала её к себе. Из своей комнаты вышел Олег, подтянутый, выбритый, улыбающийся. Обнял нас и тихо сказал: «Здравствуй! Рад, что ты вернулась». А тётя Паня уже командовала, кому куда. После раннего обеда Олег ушёл на работу, Вася был в аэроклубе, тётя Паня рассказала, как они прожили эти два месяца, а прожили они хорошо. «Дружно», - сказала тётя Паня. Вечер мы провели с Васей, потом уложила дочку и пошла в свою

комнату. Посидела в кресле: всё-таки дома лучше, чем в экспедиции.

В сентябре приехала от родителей Алиса. Как-то вечером Вася пришёл расстроенный. Я вошла к нему в комнату, обняла и спросила: «В чём дело, сын?» -- «Алиса не хочет поступать в аэроклуб, не хочет прыгать с парашютом!» -- «И что тут удивительного?» -- «А ты, мама? Ты же, наверное, летала с папой и прыгала с парашютом?» -- «Никогда! – ответила я. – И не стала бы прыгать ни за какие коврижки!» -- «Ну почему Алиса не хочет в аэроклуб? Мы же всё делали вместе!» -- «Нет, не всё! – возразила я. – Она учит немецкий и французский, а ты – нет. Зато у тебя своё дело – аэроклуб». Лицо Васи просветлело: «Правда, мама! Мне как-то это не пришло в голову!» Успокоила сына, а сама подумала, что дорожки их начали расходиться и через несколько лет разойдутся окончательно.

Как-то после дня работы в институте, усталая, я зашла домой. Никто меня не встречал. Услышала из Васиной комнаты: «Лисонька...» «Асенька», - пронеслось в моей голове. Тот же голос, та же ласка и нежность, те же интонации.

Сняла пальто, позвала: «Дети!» Они вышли, и в который раз я ими залюбовалась. Обняла обоих, поцеловала Алису, Васю, сказала: «Как вы выросли, дети мои!» -- «Мы уже не дети», - засмеялась Алиса. Подумала: «Действительно, не дети». -- «Мама, мы уже давно хотели тебе сказать, но ты как-то все время занята. Через месяц каникулы, но уже сейчас

нас не будет дома». -- «Почему это?» -- «Мы начинаем усиленно готовиться к сдаче на первый кю», - сказала Алиса. «Это чёрный пояс?» -- «Да что ты, мама, - возмутился Васька, - чёрный пояс -- это знаешь какая высота? Это выше, чем на самолёте. Ты спроси дядю Олега, он тебе расскажет». -- «Спрошу-спрошу. Так какой же пояс вы будете получать?» -- «Коричневый, с золотыми нашивками», - вставила Алиса. «И чем он отличается от чёрного?» -- «Он отражает уровень зрелости ученика и его готовность стать настоящим мастером», - объяснила Алиса. «Понятно. А это что -- соревнования будут?» -- «Это будет экзамен, соревнования и спарринги, мы будем бороться с чёрными поясами, может, даже с сэнсэем», - гордо сказал Васька. Они ушли. Высокие, стройные, юные.

Вечером попросила Олега: «Расскажи мне, пожалуйста, о коричневых и чёрных поясах. Вася и Алиса должны получить коричневые пояса. Не понимаю, почему не чёрные». -- «Астра, во-первых, не коричневые, а коричневые с золотыми нашивками». -- «И какая разница?» -- «Сядь-ка поудобнее, я должен прочесть тебе целую лекцию». Я устроилась в кресле и сказала: «Только покороче, а то у меня ещё есть дела. Слушаю».

Моё последнее замечание Олег пропустил мимо ушей. Он начал: «В системе боевых искусств есть ученики и мастера. Вася и Алиса прошли большой путь от самой нижней ступени ученика к самой высокой. Они уже обладатели корич-

невых поясов, в прошлом году сдали экзамен на второй кю. Сейчас они готовятся сдать на 1 кю -- это последняя ступень ученика и возможность стать мастером. Только мастера имеют чёрные пояса». -- «Неужели такая большая разница между чёрным и коричневым поясом?» -- «Да, и тут дело не в технике боя, а в философии. Коричневый цвет пояса означает зрелость ученика, показывает его готовность идти дальше. Не все достигают этого уровня. Дальнейшее совершенствование ученика происходит на уровне сознательности и предельно критичного самоанализа. Техника и сила уходят на второй план, оставаясь в качестве уверенных навыков, а все внимание ученик, будущий юданша – обладатель чёрного пояса, уделяет наблюдениям и самокритике в поединках. Другими словами, тот, кто заслужил чёрный пояс, является самостоятельным, зрелым и мудрым, способным нести ответственность за принятые им решения не только во время спарринга, а вообще. Путь от коричневого до чёрного пояса может занять несколько лет».

Я сидела оглушённая, всегда относилась к карате как к искусству боя, не задумываясь, что это целая философия. «Астра, ты должна пойти со мной на церемонию вручения поясов». -- «Что значит должна? – возмутилась я. – Конечно пойду, это же завершение учёбы Васи и Алисы». -- «Вот и не планируй никакие поездки».

Я задумалась: «В конце октября никаких поездок не предвиделось, я собираюсь сидеть над очередной книгой». «Бу-

ду здесь! И мы пойдём на церемонию вместе», - пообещала я мужу. В последние выходные октября мы все вместе -- я, Олег, Оленька, тётя Паня и адмирал -- присутствовали на торжественной церемонии вручения последних ученических поясов Васе и Алисе. Вечером в коттедже был праздник в честь наших каратистов, окончивших ученичество. Я смотрела на детей и думала, что Алиса, конечно, продолжит путь и получит чёрный пояс. В ней я была уверена. Что же до Васи -- то надеялась. Следующим летом они заканчивают школу и каждый пойдёт своим путём...

Наступил 1972 год. Дети учились уже в 10 классе. Встал вопрос о поступлении. Было ясно, что Алиса будет поступать в МГИМО. А Вася раздумывал. Прежде всего, он хотел стать лётчиком, а лучшее военное лётное училище -- Краснодарское. А с другой стороны, хотел учиться там, где учился отец, под Москвой, в Монино. И Алиса будет учиться в Москве. Видимо, это главная причина.

«Думаю, - рассуждал Олег, - что академия лучше, даёт более широкое образование. Но там, конечно, в первую очередь, готовят инженеров». Мне хотелось, чтобы приехал Андрей Андреевич, а про себя я думала: «Понятно, почему Вася смотрит на Москву, и дело тут не в более широком образовании, а в Алисе!»

Андрей Андреевич приехал в начале апреля. Он привёз программы всех курсов -- и Краснодарского лётного училища, и Академии Жуковского в Москве. Я в этих обсужде-

ниях участия не принимала. Олег познакомился с программой Краснодарского училища и сказал: «Не думал, что так серьёзно! Оказывается, это училище окончило большинство космонавтов». Видела, что мой сын больше склоняется к военному лётному училищу, и не возражала. Да и что я могла возражать?

Место полевых работ сменилось, по приглашению и инициативе директора нашего института мы должны были несколько лет проработать на пшеничных полях Казахстана. Работа требовала полного сезона, с 1 мая по 30 сентября. Но на экзамены сына я обещала приехать.

Перед отъездом в экспедицию я провела несколько дней с дочкой. Долго разговаривала с Васей о его будущем. Узнала, что выпускные экзамены начинаются 25 мая и кончаются 23 июня. Значит, нужно будет уехать из экспедиции на целый месяц. Пообещала Васе, что обязательно приеду, во всяком случае, не позже пятого июня. Уезжала я со спокойным сердцем.

В двадцатых числах мая я вылетела из Казахстана и вскоре была в Академгородке. Волновалась: как там мои домашние? Первым меня встретил Лай. В нём уже не было прежней живости, но преданность была всё та же. Из кухни выбежала дочка, которую я подхватила на руки и прижала к себе. Она гладила мои щеки и говорила: «Я ещё вчера сказала, что ты приедешь сегодня, а они мне не верили! Говорила и папе, и Васе, и бабушке, и дедушке. Никто не верил, а ты приехала!»

Все четверо стояли тут же в коридоре и приветливо улыбались. Я дома! Первый вопрос Васе: «Когда экзамены?» -- «Послезавтра. Сочинение». -- «Ты готов?» -- «Да», - ответил тот твёрдо.

Весь месяц был заполнен экзаменами Васи. Я думала, что приедет Люба, всё-таки её дочь кончает школу и уезжает в Москву. Но Люба не приехала, и было непонятно, почему. До этого она сообщала, что приедет после того, как отец Алисы уйдёт в море. Но сведений не было. На звонки Алисы Люба теперь отвечала: «Папа в море, приеду, когда он вернется». Алиса успокоилась, а вот Степан Осипович почему-то волновался. Всё время Васи и Алисы было занято подготовкой к экзаменам. Они занимались то вместе, то порознь. Сдавал Вася на одни пятёрки. Мне сказал: «Алиса сдаёт на пятёрки, и я должен!»

Наконец, они сдали последний экзамен, и Вася радостно заявил: «Всё, школа позади! Я поеду учиться в Москву в академию». Что ж, я этого ожидала. На следующий день было торжественное вручение аттестатов. Трое выпускников из их класса получили золотые медали, и среди этой троицы были Вася и Алиса. В день вручения аттестатов в коттедже адмирала был назначен торжественный ужин. Алиса получила телеграмму: «Поздравляем окончанием школы, гордимся, целуем, верим дальнейшие успехи, мама, папа». И Алиса, и адмирал сияли от счастья. Смотрела на Алису и думала: «Какая она красивая! Но в народе говорят: не родись красивой,

а родись счастливой. Будет ли она счастлива?» За столом все были в приподнятом настроении, нарядные, и даже жена адмирала принимала участие в общем торжестве и поздравляла Алису и Васю.

Глава 3

ПЕРВЫЙ РАЗЛАД

Выпускной бал был назначен на следующий вечер. Олег купил Васе новый серый костюм и галстук к нему, а об Алисе позаботилась тетя Паня. В ателье под её руководством сшили прекрасное белое платье. Родителей не было на выпускном вечере, но я проводила их обоих, поцеловала. Смотрела вслед: хороша пара! После их ухода села в кресло перед картиной с поднимающимся самолётом и задумалась. Ребятам было по семнадцать лет, столько же, сколько было мне и Васе, когда мы работали в первом послевоенном детском лагере. Но насколько же мы были старше! Война легла тогда на плечи всех, в том числе и на детские. Мои раздумья прервал Андрей Андреевич. Он сказал: «Через год не узнаешь сына. Первый самостоятельный полёт -- и уже мужчина». -- «А когда первый самостоятельный полёт?» - спросила я. «По-разному, - ответил старый летчик, - старший Вася летал уже на первом курсе. А Вася-младший летал в аэроклубе на планере, так что он уже знает, что такое воздух. Думаю, поднимется с инструктором уже на первом курсе». Я успокоилась. Хотя как можно быть спокойной, когда дорогой тебе человек поднимается в небо?

Мы не ждали наших детей, знали, что они будут гулять всю ночь напролёт. Ранним утром услышала, как хлопнула дверь: вернулся сын. За завтраком он радостно рассказывал нам о бале, о том, как мальчики, хорошо танцующие, приглашали всех учительниц. «И вы знаете, - говорил он взахлёб, - Нонна Александровна прекрасно танцует вальс, а ей-то уже, наверное, больше пятидесяти!» Спросила: «Что будете делать сегодня?» -- «Сегодня мы с Алисой пойдём гулять. Обойдём все места нашего детства: и горку, и избушку дяди Олега, и наш остров в Обском море». -- «Какой остров? - удивилась я. - Кроме Тань-Ваня ничего же нету!» -- «А у нас есть!» - ответил Вася, и я не стала спорить. Сын вырос, и у него своя самостоятельная жизнь. «Деньги возьми», - сказала я. «Деньги есть», - ответил Вася. Посмотрела на Олега, он кивнул головой.

После ужина Олег сказал, что он еще позанимается и ушел в свою комнату. Около часа я легла спать. В квартире было тихо-тихо. Несмотря на тишину, почему-то не спалось. Что-то меня тревожило.

Светало, когда я услышала тяжелые шаги. Открылась дверь, и кто-то вошел в коридор. «Кто же это? - подумала я. - Вася ходит легко и неслышно». Хлопнула дверь Васиной комнаты. И снова стало тихо. Полежала, послушала. Какие-то странные звуки, как будто бы кто-то рыдал. Но не Вася же! Встала, надела халат, подошла к двери его комнаты. Постучала, ответа нет. Немного подождала, снова постучала

и тут же решительно открыла дверь. Сын стоял ко мне спиной и смотрел в окно. Казалось, он сдерживает рыдания. Позвала: «Вася!»

Он обернулся. В таких случаях говорят, не узнала сына. Обычно стройный подтянутый, он ссутулился, съежился, руки безвольно свисали, плечи опустились. Подумала, может, заболел? Подошла ближе. Глаза его были безжизненны. Спросила: «Вася, что с тобой?»

Не ответил. Обняла, прижала его к себе, слышала, как бешено колотится его сердце. Подумала: «Что-то с Алисой? Вдруг она умерла!» Спросила: «Что с Алисой?» Ответил безжизненным голосом: «Она меня выгнала». Подумала про себя: «Произошло то, чего я ожидала – они расстанутся. Всегда знала, расстанутся, но не так же!» Силой посадила его рядом на кровать и мягко попросила: «Расскажи мне».

Вася рассказал тусклым безжизненным голосом, как-то неуверенно: «Мы гуляли с Алисой весь день. Нам было хорошо вдвоём, я её поцеловал, и она ответила. Даже не думал, что она ответит... А потом она засмеялась и сказала: «Потом-потом! Пойдём, искупаемся!» Было поздно, но мы искупались. Я пошёл её провожать, на крыльце хотел её поцеловать на прощание, но она пригласила войти. Я вошёл, она не стала подниматься вверх, в свою комнату, открыла дверь в комнатку тёти Пани, а мне сказала: «Подожди». Я стоял и ждал, не знаю, чего. Думал, она выйдет. Услышал: «Входи!» Вошёл. Она лежала на кровати без одежды, только

укрытая чем-то прозрачным. Такая красивая! Просто невозможно, какая красивая... Я стоял, смотрел на неё во все глаза и молчал. Она протянула руку, сказала: «Ну, раздевайся же!»

Сын поднял на меня глаза: «Мама! Как я мог? Нам же по семнадцать, нас даже не регистрируют!» -- «Ты ей это сказал?» - спросила я, испытывая чувство бешенства. «Да, сказал». И тут я дала ему пощечину. В первый и единственный раз я ударила сына. «Мама! За что?» -- «За вашу мужскую дурь! За оскорбление, которое ты ей нанёс!» Вася был удивлён: «Разве я её оскорбил?» -- «Да, Вася, ты её оскорбил. Страшно оскорбил. Она предложила самое дорогое, что у неё есть -- себя, а ты испугался, как последний трус! Может, Алиса пошла ва-банк, решила, будет ребёнок -- останусь с Васей, не будет -- пойду своей дорогой. А дороги у вас, сын, разные. Неужели ты до сих пор этого не понял?»

Вася молчал. Я не знала, что творится в его голове, и как никогда ощущала, что мужчины и женщины -- это разные миры. У них разное понимание жизни, разное отношение к ней. И тут Вася как-то по-детски спросил: «И что же мне теперь делать?» -- «Во-первых, - ответила я, - попросить прощения, а во-вторых, не знаю! Пока прими душ и ложись. Дам тебе снотворное, выспишься, а утро вечера мудренее». Хотя уже было ранее утро, зашла к Олегу. Он ещё спал, но немедленно проснулся, спросил: «Что-нибудь случилось?» -- «Да. Мне нужно твоё сильное снотворное». -- «Зачем? - удивился

Олег. - У тебя есть своё». -- «Это не мне. Васе, - и тут же спросила: - Ты когда-нибудь говорил с ним об отношениях мужчины и женщины?» -- «Пока нет, - ответил тот, смутясь». -- «Пока! - я снова вышла из себя. - Мать разговаривает с дочкой об этом, когда у той появляется первая менструация, а ты чего ждал? Парню семнадцать лет, а он телёнок телёнком! Возьми снотворное, иди к сыну, надеюсь, он сам тебе все расскажет. А ты найдёшь слова для него и, может быть, объяснишь, почему Алиса его прогнала». С этими словами я ушла в кухню. Видимо, Олег все понял. Слышала, как он вошёл в комнату Васи. Спать я уже не могла, все равно утро, хотя и раннее. Сварила кофе, пила, думала. Не о Васе, об Алисе. Конечно, со временем они помирятся. Когда-нибудь она его простит, но не сейчас. А что дороги у них разные, мне кажется, понимали все, кроме Васи.

Примерно через полчаса в кухню вошёл Олег, попросил: «Налей мне кофе». -- «Поговорили?» -- «Поговорили. Утешать бесполезно, но урок он усвоил. Главное, бывают минуты или часы, когда надо слушать женщину и делать все, что она хочет. Может быть, это самые драгоценные минуты в жизни». Я даже удивилась: «Как-то эти слова тебе не идут». Олег, нахмуясь, ответил: «Ну, не всегда же сю-сю-сю и ля-ля-ля. Главное, Вася решил: он едет в Краснодар».

Вошла тётя Паня и удивилась: «Вы, что, не спали?» -- «Мы-то спали, - ответила я, - вот Вася не спал». -- «Он вернулся?» - спросила тётя Паня. «Вернулся», - ответила я.

К завтраку пришёл Андрей Андреевич. Ему Олег сказал только одно: «Вася решил учиться в Краснодаре». На что старый лётчик ответил: «Правильно, станет настоящим пилотом».

Вот так начался этот день, а закончился ещё хуже. Олег ушёл на работу, тётя Паня о чем-то разговаривала с Андреем Андреевичем, Вася тяжело спал. Я сидела в своей комнате и ровнёхонько ничего не делала, просто не могла. Мне было очень жаль сына. Но ему предстояло с этим справиться, и он справится! К вечеру Вася проснулся, принял душ, выпил кофе. Сказал: «Мама, я пойду просить прощения у Алисы». Ушёл и вернулся очень скоро: «Алиса была наверху, а меня встретил Степан Осипович. Сказал, что знает о нашей ссоре, но сейчас ей не до меня. Её отец тяжело болен. И просил тебя зайти, если ты свободна».

Вечером я пошла в коттедж адмирала, а тётя Паня была уже там. Андрей Андреевич остался дома, как я поняла, поговорить с Васей о его лётном будущем. Дверь коттеджа была открыта, я сразу прошла наверх. Алиса была в своей комнате, Степан Осипович в кабинете. Вошла, поздоровалась, он встал мне навстречу, показал на кресло: «Садись». Начал говорить неуверенно, не похоже на него: «Ты знаешь, что Валерий -- капитан атомной подводной лодки. Последнее время с этими лодками случаются разные неприятности». -- «Не знаю, - ответила я, - откуда мне знать?» -- «Да и я знаю немного, скорее, догадываюсь, - ответил Степан Оси-

пович, - но если происходит чрезвычайная ситуация, лодка возвращается в порт приписки, а капитан её жив и здоров, то начинается расследование. Иногда капитан виноват, иногда -- нет. Так вот, не знаю, виноват Валерий или нет, но знаю, что он пострадал и сейчас болен. Его отправляют в Москву в специальный госпиталь. Люба едет с ним. Вместе с Алисой они будут жить в Андрюшиной квартире. Алиса летит в Москву через два дня, и я с ней на несколько дней. Знаю, что у Васи с Алисой случилась ссора, и он едет в Краснодар. Может, к лучшему. Потом помирятся. Жалко, если разойдутся». -- «Разойдутся, - сказала я. - Вы же знаете, что общей дороги у них нет».

Надо было уходить, но я спросила: «Можно мне Алису повидать?» -- «Конечно, она в своей комнате». Вышла от адмирала, постучалась к Алисе. «Войдите!» - ответила она. Вошла и увидела, как изменилась Алиса за эти два дня. Похудела, побледнела, щеки ввалились. Только глаза блестят. Молча обняла её. Алиса прижалась ко мне и заплакала, а я вслед за ней. Что-то я ей шептала, успокаивала, говорила, что папа поправится, а с Васей они помирятся когда-нибудь. Что сейчас она будет вместе с мамой, и она поможет маме, что, конечно, поступит в МГИМО и со временем станет блестящим дипломатом. Я говорила и говорила, а она постепенно успокаивалась.

Начался новый день. В мою комнату вошел Вася: «Мне надо собираться, - сказал он, - думаю вылететь дня через

три». «Собирайся, - ответила я, - и не забудь, что на антресолях огромный чемодан с твоими старыми вещами. Разбери все, что-то оставь, что-то выброси. Разберись с книгами, с бумагами, с фотографиями. Вечером я поговорю с тобой о деньгах. У тебя же есть своя сберкнижка, теперь, когда тебе семнадцать, ты можешь самостоятельно решать свои денежные вопросы».

Вечером пришла Алиса. Она зашла и сказала: «Я пришла попрощаться. Завтра утром мы с бабушкой улетаем». Алиса была бледной, но очень спокойной. «Входи, Алиса», - сказала я. Дома были все, кроме тёти Пани. Мужчины -- Олег, Вася и Андрей Андреевич -- были в большой комнате, о чём-то разговаривали. Алиса повторила: «Я пришла попрощаться, завтра улетаем». -- «А со мной-то чего прощаться? - засмеялся Андрей Андреевич. - Со мной же жить будешь! А может, и мама твоя будет с нами жить, пока она в Москве. Ключ Паня тебе отдала?» -- «Да, спасибо». Алиса обняла Олега, сказала ему: «Когда будете в Москве, встретимся, хорошо?» -- «Обязательно», - ответил Олег. Алиса повернулась к Васе, легонько обняла его, сказала: «До свидания, Вася. Пиши мне иногда». Вася успел только пробормотать: «Алиса, прости меня!» Алиса посмотрела на него и холодно ответила: «За что? Нечего прощать». Я подумала: «Алиса поставила точку». Затем она обратилась ко мне: «Вы же будете приезжать в Москву?» -- «Обязательно, и жить буду у Андрея Андреевича. Так что нам с тобой тоже нечего прощаться». -- «То-

гда пока», - она легонько поцеловала меня и пошла. Олег закрыл за ней дверь и сказал мне: «Эта девочка умеет держать удар». -- «А ей иначе нельзя, - ответила я, - она же будущий дипломат!»

Тут я внимательно посмотрела на сына: бледный, с синяками под глазами, но плечи уже распрямились и голову держит высоко. Подумала: «Справится».

Придя домой вечером, застала Васю в своей комнате. Он сидел за моим столом и рассматривал альбом с фотографиями Бориса. Я вспомнила, что уходя оставила альбом открытым на своём столе. Тут же подумала: «Вот и хорошо. Пусть узнает». Вася сказал: «Мама, извини, альбом лежал открытым, и я посмотрел. Хочу спросить, кто был этот человек?» Ответила: «Академик, директор института, декан факультета, а для меня -- человек, которого я любила, и который любил меня». -- «И что с ним случилось?» -- «Он умер». -- «Мама, я помню, - сказал Вася, - я помню. Ты всё время плакала, сильно плакала, а потом заболела. И я тогда изрезал твоё чёрное платье, а потом мы вместе с дядей Олегом его сожгли. Это же было, когда он умер, да?» -- «Да, это было тогда». Вася помолчал, потом спросил: «Мама, ты говоришь, что его любила. Но ты же и папу любила?» -- «Любила, - ответила я. - И кто тебе сказал, что человек любит один раз в жизни? Бывает, любимый человек погибает. Бывает, любовь просто уходит. Но бывает и по-другому, бывает, что мужчина и женщина любят друг друга всю свою долгую жизнь». -- «Ты ду-

маешь, мама, что я смогу забыть Алису?» - спросил Вася. «Нет, Алису ты не забудешь никогда, а вот снова полюбить через некоторое время какую-нибудь девушку или женщину -- обязательно полюбишь». -- «А мне кажется, - сказал Вася, - я никогда и никого не смогу полюбить, кроме Алисы!» -- «Что ж, поживём -- увидим».

Перешла к другому: «Ты разобрал свои старые вещи?» -- «Разобрал. Там есть совсем новые: ботинки с коньками, у меня быстро выросла нога, полувоенный костюм совсем новый, да и другие вещи. Что с ними делать?» -- «Оставь в чемодане, может, кому-нибудь пригодятся. Вон, у Лены сын поднимается. Уж ботинки с коньками всегда пригодятся. А книжки разобрал?» -- «Да. Старые детские поставил на Олину полку. Что-то оставляю для себя, а остальное отнесу в библиотеку КЮТа». -- «Хорошо, теперь разберёмся с деньгами». Я рассказала ему о пенсии, которую он получал за отца, о той части, которую я оставляла на его сберкнижке, и о том, что это его деньги. Не наши, а его личные. А как он будет тратить - это уже его дело. «Хорошо», - ответил Вася. У него было ещё много дел до отъезда. «Что с билетом?» - спросила я уже уходящего сына. «Да вот, получу деньги и куплю», - и ушёл.

К вечеру основные дела Вася закончил. До его отлёта оставалось два дня. Я их провела с сыном. В последний вечер все собрались в нашей квартире. Пришла Лена с сыном, Васины друзья -- несколько человек. Присутствие молодёжи сделало

этот вечер если не весёлым, то тёплым. После того, как гости разошлись, мы с сыном ещё посидели на лоджии, посмотрели на звезды. Он спросил: «Правда, папа писал тебе каждую неделю?» -- «Правда. Писал, но не отправлял. После его гибели я нашла эти письма в его столе». -- «Когда мы приехали сюда, это их ты читала по ночам и плакала?» -- «Да, - ответила я, - и ты знаешь, что я очень боюсь за тебя. И потому прошу тебя, пиши мне хотя бы раз в две недели. А лучше раз в неделю». Потом мы просто молча сидели и думали каждый о своём. Я о нём, а он, вероятно, об Алисе.

На следующий день Вася улетал. Олег сказал мне твёрдо: «Я его провожу, а ты отдохни. Нечего тебе делать в аэропорту. Долгие проводы -- лишние слезы».

Оставшись дома, самое лучшее, что я могла сделать, это заняться дочкой. Послезавтра должен был вернуться Степан Осипович, тётя Паня и Андрей Андреевич собирались улетать вместе с Оленькой: Олег согласился, что дочке надо побыть на море. В его согласии было что-то странное, неожиданное. После того, как он вернулся из аэропорта и рассказал, как улетел Вася, я спросила: «Что-нибудь хочешь мне сказать?» И он ответил странно: «Может быть. Откуда ты знаешь?» -- «Чувствую», - ответила я. «Давно за тобой наблюдаю, - продолжал Олег, - ты часто не замечаешь того, что у тебя под носом, а видишь то, что и увидеть-то трудно. Откуда это у тебя?» -- «Наверное, от бабушки, - ответила я, - она была колдунья, может, и мне немножко перепало». --

«Колдунья... - задумчиво промолвил Олег, - бойтесь колдуний, ибо ведают, что творят». Мы помолчали. «Скоро мне надо уехать в Москву, к детям. Когда вернусь-- не знаю», - сказал Олег.

Тут пришла тётя Паня с Оленькой, которая немедленно залезла к папе на колени. А мы с тётей Паней пошли на кухню. Поговорили о том, что надо взять в поездку, что Андрей Андреевич будет делать фотографии, как Оленька плещется в море, а тётя Паня будет мне писать каждую неделю и посылать эти фотографии. Два дня я ещё провела с дочкой. Потом они улетели. В квартире остались лишь Олег, я и Лай. Давно мы не оставались с Олегом вдвоём. Наконец, у нас было время и для разговоров, и для любви.

Во вторник утром подошла экспедиционная машина, и я с сотрудниками выехала в Целиноград.

Глава 4

ПОЯВЛЕНИЕ САШИ

Мы работали в Казахстане, шли обычные полевые работы. Я ждала писем, и они приходили. Прежде всего, письмо от тёти Пани, и в нём три фотографии: Оленька загорает, Оленька плавает, Оленька ныряет. Тётя Паня писала, что дом большой, удобный, рядом с морем. Небольшой огород, большой сад, много черешни. Андрюша учит Оленьку плавать, гуляет с ней, читает, рисует. И всё вздыхает, что вот он уедет в Москву, и без Оленьки будет ему там тоскливо. В общем, у них все было хорошо.

Пришло письмо от Васи. Спокойное, я бы даже сказала, весёлое. Ему надо было сдать один экзамен по выбору, он сдал физику. По физической подготовке -- на первом месте среди поступающих. Один из командиров, капитан, оказывается, тоже занимался карате, и у него, как и у Васи, коричневый пояс. Есть специальный зал для занятия физкультурой, большой, со спортивными снарядами, где новички показывают, на что они способны. Там Вася боролся с капитаном. Времени свободного нет. Живут они не в казарме, а в комнатах на шесть человек. Он уже подружился с двумя ребятами и посылает фотографию. Я внимательно ее рассмот-

рела: три молодца, один другого краше! Дальше Вася написал, что он отправил Алисе два письма, но ответа не получил. Он все равно будет ей писать, хотя бы раз в две недели. И постскрипtum: «Мне тут нравится, но я скучаю по дому!»

Третье письмо -- от Алисы. Вначале благодарность за комнату, за шкаф, где так много свободных плечиков, за художественные книги, которые я оставила, хотя читать ей особенно некогда. Сдавать ей надо только два языка, она уже сдала английский и будет сдавать французский. А дальше всё об отце. Она писала, что он очень болен, у него нет ран, кости не сломаны, но ему очень плохо, и он не говорит, что с ним случилось. Знают врачи, наверное, знает и мама, а ей почему-то не говорят. Но она понимает, что отец получил дозу радиации и у него лучевая болезнь. Он лежит в отдельной маленькой палате, к его кровати прикреплены разные приборы, на экранах пишется пульс, дыхание, давление и т.д. Мама очень похудела, переживает. Она проводит ночи в госпитале, немного отдыхает в квартире и тогда Алиса проводит несколько часов с отцом. Он просит, чтобы Алиса читала ему, рассказывала о своих делах, а сам все время молчит, но пытается улыбаться и даже шутить. Дальше она писала, что получила уже два письма от Васи, пока не ответила, но ответит обязательно. Последний абзац письма меня удивил. Оказывается, Степан Осипович забрал своего внука, которого Люба привезла в Москву, и Стёпка теперь живет в Академгородке. Алиса беспокоилась, как дедушка справится со

Стёпкой, потому что он ужасный хулиган, слушается только отца. Алиса просила меня, когда я буду дома, присмотреть за Стёпкой, пока мама в Москве. И хотя у Алисы две свободных недели в августе, она не приедет в Городок, потому что не может оставить родителей. В общем, письмо грустное.

Четвёртое -- очень маленькое письмо от Олега. Писал, что он по делам в Москве, что ему надо со мной серьёзно поговорить, надеется, что я приеду в Городок к своему дню рождения хотя бы на неделю. Не только надеется, но и просит меня об этом. Потратила полдня, отвечая на письма. Написала и Степану Осиповичу тоже.

Дни шли. Основное время я проводила между двумя стационарами: в Шортандах и в сухой степи. А двенадцатого августа вылетела домой, оставив Лая на попечение Нины, которую он сразу признал за своего друга.

На следующий день утром я открыла дверь своей квартиры. Меня не услышали: в большой комнате смеялись. Поставила чемоданчик около вешалки и вошла в гостиную. Сразу увидела Васю. Но первым делом -- дочка. Пока мы с ней здоровались, целовались и обнимались, подошёл сын. Мне показалось, что он ещё вырос и раздался в плечах. Вася обнял меня и, как в детстве, сказал: «Мама, ты приехала!» Олег был на работе, а тётя Паня и Андрей Андреевич были тут. «Ты, наверное, грязная, как всегда!» - сказала тетя Паня. «Нет, у меня в Шортандах друзья, они живут в коттедже, и у них есть ванная. Но душ приму».

Все, кроме меня, уже позавтракали, но собрались за столом в кухне. Дочка принесла альбом со своими рисунками. Я перелистала его. Оленька рисовала то карандашами, то красками. Меня поразили рисунки: там не было людей. Только море и небо, луна и море, море и жёлтый песок берега. «А где же люди?» - спросила я. «Накупались и ушли домой», - ответила Оленька. Храню этот первый альбом. И до сих пор моя дочь рисует небо и речку, речку и лес, озеро и луну и никаких людей...

Затем рассказывала тетя Паня. Сначала о том, как они замечательно отдыхали в Абхазии, а потом о Степане Осиповиче и его трудностях. Он привёз с собой внука Стёпку, а по дому ему помогает Дуся. Стёпка оказался божьей карой, и дед не знает, что с ним делать. Стёпка воображает себя то матросом, то капитаном парусника. Лазают по крышам, попросил деда повесить канат под крышей и качается на нём. Подрался с двумя мальчишками, их матери приходили жаловаться. На вопрос деда, зачем подрался, отвечал: «Я не дрался, а бил одной левой!» «Но, самое главное,- рассказывала тётя Паня, - он украл лодку!» Тут уж я не выдержала: «Как украл?» Вмешался Андрей Андреевич: «Да не украл, а взял на время! На лодочной станции присмотрел себе лодку, выскользнул из дома рано утром, оставив деду записку: “Дед, временно взял чужую лодку. Вернусь завтра в 22 часа”. Стёпа чуть с ума не сошел!» Дальше снова вступила тётя Паня. Она рассказала, как советовала адмиралу, чтобы

тот никуда не обращался, а подождал до 22 часов следующего дня. Адмирал и не знал, куда обращаться, пошёл на лодочную станцию. Там уже было известно, что лодки действительно нет, но есть записка: «Лодку взял временно, верну завтра в 21.30». На станции сказали: «Ждём, когда вернёт. А это ваш внук?» Адмирал признался, что внук его. «А плавать он умеет?» - спросил спасатель. «Как рыба, - ответил адмирал, - только считает, что в нашем море слишком теплая вода». -- «Тогда не беспокойтесь, вернётся», - утешил спасатель. Стёпка вернулся, как обещал, на следующий день в 22 часа ровно. И очень удивился, что дед чем-то недоволен. Ведь он, Стёпка, сделал все правильно. И он не хулиган, а вот дед, как сам ему говорил, был хулиганом!

«Каждое утро, - продолжала тётя Паня, - Степан встаёт и не знает, что предпримет его внук. Очень боится, что с тем что-нибудь случится». -- «Да ничего с ним мне случится, - сказал Андрей Андреевич, - нормальный парнишка».

Я спросила: «Как чувствует себя Олег? Он мне редко писал». -- «Какой-то он странный, - ответила тётя Паня, - сама увидишь».

Когда мы вышли из-за стола, Вася спросил: «Мама, мы можем сегодня поговорить?» -- «Да, ты писал об этом, обязательно поговорим. И я даже знаю, о чём». -- «Знаешь?» - удивился Вася. «Да, знаю. О твоём отце».

К вечеру пришёл Олег. Он нежно поздоровался со мной и сказал: «Нам надо поговорить». -- «Завтра». -- «Почему

завтра, а не сегодня?» -- «Потому что сегодняшней вечер я обещала сыну».

После ужина, после того, как я уложила дочку спать и рассказала ей сказку, вошла в Васину комнату. Он сидел за столом и что-то писал. «Наверное, Алисе», - подумала я. А вслух сказала: «Вася, я свободна, пойдем на лоджию, поговорим».

Вышли на лоджию, сели в кресла у маленького столика. И Вася начал: «Хочу, чтобы ты мне рассказала о папе. Не о его гибели. Об этом мне рассказал дедушка, Андрей Андреевич. А ты расскажи о вашем детстве, о школе. Как вы встретились в Москве, как дружили и как ты вышла за него замуж».

Спросила сына: «Я всегда хотела знать, как ты оказался на аэродроме? Я ведь даже не видела тебя». Вася помолчал, потом заговорил: «Мы в детском саду всегда знали, когда падал самолёт. [И это было так, они действительно знали]. А я знал, что папа будет летать в этот день. Помню, как он приходил после полётов. Усталый снимал сапоги и сразу шёл в спальню, ложился на коврик и засыпал. А ты говорила: «Не лезь к папе, он устал!» А потом часа через два ты его будила, он принимал душ и играл со мной. - Вася улыбнулся, - он каждый вечер рассказывал мне сказку о маленьком самолёте. Что-то помню». -- «Расскажи, что ты помнишь». -- «Был такой маленький храбрый самолётик. Он всюду летал: и на Северный полюс, и на Южный. Он мог садиться и на воду, и на крышу дома, и даже на черепашку! И он всех спасал. Упал

где-то большой самолёт, а маленький летит на поиски и всегда находит. Много было у него приключений. Я очень любил эту сказку. А потом стал придумывать ее сам, когда подрос». -- «И длинная сказка?» -- «Длинная, там много приключений. Иногда рассказывал Оленьке, ей нравилось». -- «Будешь рассказывать своим детям. А теперь скажи мне всё-таки, как ты попал на аэродром?» -- «Ко мне прибежал Тимур, сын тёти Лили. Он старше меня, ты его знаешь. Говорит мне: “Это, наверное, самолёт твоего отца упал. Айда на аэродром!”» -- «Но вас же не могли пропустить!» - возразила я. Вася засмеялся: «Тимур знал дыру в заборе, мы в эту дыру и пролезли. И когда вылезли, я увидел, как ты бежишь, только голубое платье мелькает... А потом ты упала в яму, и я побежал прямо к яме. Но уже недалеко от неё меня кто-то схватил, наверное, дядя Гиви, и не пускал. Я ревел, он меня уговаривал, а потом тебя понесли на носилках, и дядя Гиви меня отпустил. Ты лежала такая бледная, что я подумал, ты умерла. Схватился за носилки и бежал рядом, потом Вера Ивановна, жена генерала, взяла меня за руку и повела к себе. Я все вырывался и кричал: «Хочу к маме, к маме!» Вера Ивановна привела меня к себе, посадила в ванную, отмыла -- я был весь в грязи, потом надела на меня что-то тёплое, дала молока и вкусную булку. Она все говорила: «С мамой всё в порядке, она жива!» Потом я как-то уснул, а Вера Ивановна держала мою руку и не отпускала. Утром проснулся, она уже тут. Спросил: «Где мама?» Она сказала: «В больнице, завтра

придет» -- и повела меня завтракать. Я все боялся, что она меня обманывает, старался не реветь. Папа же говорил, что мужчины не режут, но я все равно плакал». И тут заплакала я. Сказала Васе: «Никогда не спрашивала тебя об этом дне, ты очень горевал об отце, я боялась, что тебе будет ещё хуже от расспросов. Особенно, после того, как Олег сказал, что ты плачешь, когда я уезжаю в экспедицию. Боишься, что я не вернусь». Вася согласно кивнул головой: «Да, это было».

Неожиданно на лоджию вышел Олег. Посмотрел на меня плачущую, на взволнованного Васю и сказал: «По-моему, вам надо выпить. Кому чего?» -- «Мне коньяк», - ответила я. А Вася: «Мне воды». Олег принёс и коньяк, и воду, заметил: «Вижу, что у вас серьёзный разговор. Пойду к себе».

«А теперь, мама, расскажи мне с самого начала, как вы познакомились с папой ещё в школе». И я рассказала ему всё, что помнила. И о школе, и о лагере, о том, как мы разъехались и как встретились, когда я на первом курсе приехала на каникулы в Москву. И о ночи в лесу, самой замечательной новогодней ночи в моей жизни. О том, как мы чуть было не расстались, как я бросилась вдогонку, когда он сбежал по лестнице, и о примирении. Тут Вася меня перебил: «Мама, вы могли расстаться навсегда, если бы ты за ним не побежала!» -- «Нет, думаю, мы бы снова нашли друг друга». -- «А я вот, - грустно сказал Вася, - думаю, что потерял Алису навсегда».

Что я могла ответить? Только то, что жизнь длинная, и в

ней происходят самые невероятные вещи. А их дружба такая сильная и прочная, что со временем они помирятся. Я продолжила свой рассказ. Разошлись мы с Васей только около двух часов ночи.

Следующий день был кануном моего дня рождения. Начались какие-то хлопоты, все завтракали каждый в своё время, чего я так не люблю. Спросила тетю Паню: «Я вам нужна для приготовлений?» На что она ответила: «Ты бы лучше с мужем поговорила. А у меня есть помощники: Вася и Андрюша. Так что иди уж!»

Вошла в комнату Олега. Он сидел в своём кресле и что-то писал. Вынула у него из рук блокнот, села к нему на колени, обняла и сказала: «Ты хотел со мной поговорить? Пойдём в избушку. А то тут сегодня не поговоришь!» Олег с удовольствием согласился. Взяли с собой бутерброды, попрощались со всеми и вышли.

Пока мы шли, разговаривали о разных вещах. В основном о моей работе в экспедиции.

Дошли до избушки, сели на крыльцо. Люблю август, особенно вторую половину. Тепло, но уже не жарко. Природа ещё в полном расцвете, хотя падают первые жёлтые листья. На лугах -- осенние жёлтые и голубые цветы. Утром росинки блестят в паутине, которую можно видеть между листьями. Сидела, смотрела вокруг и нисколько, в отличие от Олега, не волновалась по поводу предстоящего разговора.

Олег начал: «Я должен тебе рассказать...» Перебила его:

«Давай-ка лучше я тебе расскажу!» Олег удивился: «Ну, расскажи». Начала: «У тебя есть двое законных детей. Их я знаю. Но при том внимании, которым окружают тебя женщины, было бы странно, если бы у тебя не было ещё детей. Думаю, у тебя двое-трое внебрачных. Они живут с матерями, может быть, матери уже вышли замуж. Видимо, с одной из них что-то произошло: заболела или даже умерла. И ты должен взять ребёнка к нам в семью». Пожалуй, Олег даже не удивился, не спросил, откуда я знаю. Просто сказал: «Я тебе говорил, что в тебе есть что-то колдовское?» -- «Говорил. Это от бабушки. Но колдовство тут не при чём. Поняла это, наблюдая за твоим поведением. А теперь расскажи мне подробно и начни с самого начала».

Он улыбнулся и заговорил: «Наше знакомство с Катей началось до моего отъезда в Новосибирск. Знаешь, я был близок к театральным кругам. Катя окончила театральную студию, ей было года двадцать два. Роман наш был быстротечный. Она уехала на гастроли, я -- на испытания радиолокаторов. Потом начались мои семейные неприятности, и я уехал в Академгородок. Прошло несколько лет. Я снова побывал в Москве, зашёл к Катиной матери, Анне Львовне. Она рассказала мне, что у Кати родился сын, мой сын, Саша. Катя категорически не хотела мне говорить, но у неё была очень маленькая зарплата. Анна Львовна сказала, что я должен помогать, и я стал посылать ей деньги. Катя много работала, Сашу забрала к себе Анна Львовна. Через несколько лет в

театр приехал новый режиссёр, Катя в него влюбилась, они поженились. Они с мужем планируют переехать в Израиль. Катя не хочет брать сына, потому что он русский, хочет, чтобы он жил на родине. Она хочет, чтобы он жил со мной: ему нужен отец. Анна Львовна стала сильно болеть, поэтому тоже хочет отдать его мне. Когда ты уехала в экспедицию, я поехал в Москву. Анна Львовна рассказала Саше обо мне. Спросил его, хочет ли он жить в моей семье? Мы договорились, что Саша проживёт с нами месяца два и сам решит. Вот, я всё тебе рассказал. Что скажешь ты?»

А я засмеялась и ответила: «Ты поэтому был таким нервным, и боялся разговора со мной?» -- Олег смутился, но твердо ответил: «Да». -- «Вот что я тебе скажу. Ты знаешь, у меня был старший брат, которого я очень любила. И все моё детство я провела рядом с ним. Он был сыном отца, но не моей мамы. Мать Арнольда отдала его отцу, когда мальчику было всего три года. Он вырос в нашей семье, моя мама очень его любила, а он её, хотя и называл тётёй Женей. Так что ситуация, которую ты мне рассказал, может быть не только разрешимой, но и очень счастливой. Второе: я хочу, чтобы наша дочка росла вместе со старшим братом. Васи, к которому она так привязана, не будет с нами, но будет другой брат. Так что поезжай и привози его».

Вместо того, чтобы поблагодарить меня, Олег сказал: «Ты такая красивая! Ты даже не знаешь, какая ты красивая!»

Мы были счастливы в этот день и оставались в избушке до

пяти часов вечера. Когда вернулись домой, тетя Паня, взглянув на нас, сказала: «Ну, слава богу, поговорили!» Потом спросила меня: «Что-нибудь серьёзное?» -- «Да, - ответила я, - у Оленьки будет старший брат. Олег его привезёт из Москвы». На что тётя Паня сказала: «Наконец-то!» Я удивлённо спросила: «Вы, что, знали?» Тут тётя Паня даже немного смутилась, но ответила: «Олег рассказал Андрюше, а тот мне проболтался». А на завтра был день моего рождения.

День рождения начался с праздничного завтрака, для которого тётя Паня испекла мясной пирог и пирог с малиной. Несмотря на то, что был завтрак, Олег предложил выпить за здоровье хозяйки. И выпили. Кто -- коньяк, кто -- белое вино, а кто -- компот. После завтрака дарили подарки. Первым преподнёс мне подарок мой сын. Это было штапельное платье, белый горошек по зелёному полю. При этом Вася сказал: «Папа в начале каждого лета дарил тебе платье. Как ты сама говорила -- простое, летнее платье. Теперь я буду дарить тебе такие». -- «Спасибо большое, но ты вначале собственные деньги заработай!» - сказала я сыну. На что он ответил, что пенсия идёт ему до восемнадцати лет, а сейчас ему семнадцать. И целый год он будет на государственном обеспечении. Так что он может тратить деньги по своему усмотрению. И он потратил эти деньги с удовольствием на подарок маме. Обняла сына, поцеловала: «Спасибо, я очень рада». С тех пор это вошло в традицию: платье от Васи маме ко дню рождения. К счастью, это всегда были простые лёгкие летние

платья».

Олег улыбнулся и сказал: «К моему сожалению, главный подарок не от меня, а от сына», - подарил мне подборку пластинок для проигрывателя с произведениями Шопена. Третьей была тётя Паня, которая сказала: «Наши подарки с Андрюшей ждут тебя в Москве в твоей комнате». Когда в декабре я приехала в Москву, долго благодарила тётю Паню и Андрея Андреевича. На моем столе стояла лампа с зелёным абажуром, о которой я мечтала, а к столу было придвинуто новое удобное кресло. Последней была моя дочка, которая подарила мне две вещи. Первая -- картина. Красные цветы на зеленом поле, синее небо, слева -- солнце, а справа -- луна. Мне понравилась фантазия юной художницы. «А ещё вот это», - сказала Оленька и подарила мне свою любимую игрушку. Это была белка с зелёными глазами и золочёным орехом в лапках. Оленька даже не играла с ней, а брала её в руки, рассматривала и снова осторожно ставила её на свой столик. Поняла, что это очень дорогой подарок. С тех пор картинка висела у меня на стене, а белка стояла на столе.

Вскоре после завтрака мне позвонил адмирал и сказал: «Поздравляю тебя, а насчёт подарка приходи в коттедж и возьми все, что тебе нравится». -- «А можно взять саксонскую вазу?» -- «Да бери, пожалуйста!» -- «А что с вами, Степан Осипович? У вас взволнованный голос». -- «Да голову я потерял со Стёпкой. Делает что хочет, меня не слушает. А когда я решил дать ему взбучку за его двухдневное отсут-

ствие, сказал: «Ты, дед, говорил, что был хулиганом, а я не хулиган. Я предупредил тебя, что буду делать. Ты сам меня так учил». Возьми Степку к себе дня на три, у меня серьёзные дела». -- «Хорошо, - сказала я, - пусть приходит. Мы будем рады. А уж Андрей Андреевич и Вася как-нибудь вдвоём с ним справятся. Приходите все к нам вечером на мой День рождения». -- «С Ольгой не могу, она после отъезда Алисы невменяема. С ней Дуся посидит».

Стёпу адмирал привёл уже к обеду. Мне мальчишка понравился: светлые глаза, в которых все время горит веселье, курносый нос и торчащие уши. Стёпа со всеми поздоровался и только на Оленьку посмотрел равнодушно и сказал: «Малявка!» А вот Оленьке Степа очень понравился. После того, как адмирал ушёл, Вася предложил Степе разобрать книги и забрать себе те, которые понравятся. Совсем детские книжки переложить на Олину полку, книги про лётчиков и самолёты можно отнести в КЮТ. Часть их Вася оставил себе. А книгу Васи-старшего он собирался взять с собой. И вот когда они разбирали книги, произошло недоразумение. Оленька очень хотела помочь. Отец уже научил её читать, и она могла прочитать название книг и пыталась прочитать вслух для Степы. Тот кинул кипу книг на пол и сказал: «Сама разбирай, малявка!» - и отвернулся от неё.

Мы разговаривали с Олегом, когда к нам пришла заплаканная Оленька, уткнулась мне лицом в колени и снова заплакала. «Что с тобой, Оленька?» - спросила я. «Почему

Стёпа не хочет со мной играть?» Я не знала, что ответить. Олег посмотрел на меня насмешливо, взял дочку за руку, сказал: «Сейчас мы с ним разберёмся», - и они ушли.

Время шло, я увидела, что Вася заслужил у Степы авторитет. Сказала сыну: «Ты, наверное, лучше меня понимаешь, какое сейчас тяжёлое положение в семье Степана Осиповича. До отъезда возьми Стёпку на своё попечение». На что Вася спросил: «А ты, мама, когда уедешь?» -- «Думаю, через неделю». -- «Так скоро?»

Пришлось рассказать сыну, почему я не могу остаться дома до его отъезда. Мы уже договорились с Олегом, что он поедет за сыном дня через два, привезет его, пока Вася будет ещё тут, чтобы он передал ему свою комнату, рассказал о себе, но не расспрашивал Сашу и подружился бы с ним. Олег считал, что мне лучше не присутствовать, пусть мальчик привыкнет к отцу, сестрёнке, старшему брату, а уж потом познакомится с чужой тётёй, которая должна стать ему родной. Мне это решение казалось правильным, и я собиралась уехать накануне приезда Олега с Сашей в начале двадцатых чисел августа. Вася отнёсся к моему рассказу спокойно: «Конечно, помогу Саше. Может, они подружатся, Стёпка и Саша?» -- «Кстати, Вася, - обратилась я к сыну, - ты рассказываешь Оленьке истории о маленьком самолёте. Может быть, ты запишешь их, мне кажется, это будет интересно не только Оленьке, но и мне». -- «Хорошо, мама. К твоему возвращению из экспедиции у тебя на столе будет несколько

таких рассказиков».

Вечером мы по-домашнему отметили мой сорок третий день рождения. Надо было уезжать. Обещала лаборатории вернуться в поле во второй половине августа. Тётя Паня сказала, что Сашу она примет, как родного, и Вася ещё тут будет. «Первого сентября Саша пойдёт в школу, Оленька -- в садик. Мы с Андрюшей пробудем сентябрь и ждем тебя домой в конце месяца».

Несколько дней я провела дома, почти не расставаясь с Васей. Двадцатого августа уже была в Казахстане. На стационаре было всё в порядке. Меня встретила дружная компания, впереди всех был Лай.

Время шло, все пробы были отобраны, надо было отправлять машину в сухую степь, сворачивать стационары. Вторая половина сентября была занята разбором последних проб, тщательной записью и проверкой всех полученных результатов, сборами в обратную дорогу. Многое из вещей мы оставляли на временных стационарах. В конце сентября мы выехали домой.

Около пяти вечера я открыла дверь квартиры. Навстречу никто не вышел. В гостиной играли на пианино, из комнаты Олега доносился стук пишущей машинки, а вот тёти Пани не было слышно. Сказала Лаю: «Поддай голос!» И он громко пролаял.

Тут же музыка смолкла, и из комнаты вылетела дочка. Следом за ней вышел мальчик. Пока мы с Оленькой здоро-

вались, появились и Олег, и тётя Паня, и Андрей Андреевич. Все были в сборе. Оленька успела сообщить мне, что они с Сашей играли в четыре руки. Я внимательно посмотрела на Сашу, и мальчик мне понравился. У него были, как у всех Окоемовых, серые глаза. Но взгляд Олега был всегда ироничен, взгляд дочки радостный, а Саша смотрел внимательно и серьёзно. Волосы у него светлые, слегка вьющиеся, видимо, такие, как у его мамы. Обняла Сашу и сказала ему тихонько: «Я твоя тётя Ася. Мы с тобой обязательно подружимся. А это -- Лай, а Лаю сказала: «Это Саша. Он будет твоим другом». Лай тут же лизнул Саше руку. «Он ваш?» - спросил Саша. «Он наш!» - ответила я ему.

Мы расцеловались с Олегом и тётей Паней, обнялись с Андреем Андреевичем. Слава богу, все живы и здоровы.

Всё, как обычно. За ужином все рассказывали, как провели месяц без меня. Прежде всего, дочка рассказала, что она в садике в старшей группе, а вот Ванька уже окончил садик и пошёл в первый класс и очень задаётся, что он ученик. Она, Оля, тоже может писать и читать, а по-английски так говорит лучше, чем Ванька! Но тут же грустно призналась, что в арифметике ничего не понимает: «Ваня умеет и делить, и умножать, а я не умею. Но скоро научусь!» -- «А у тебя как дела? - спросила я Сашу. - Новая школа, незнакомый класс...» -- «Все хорошо, - ответил Саша, - двоек-троек нет. А по литературе и английскому у меня одни пятерки». -- «Да, - заметил Олег, - твоя бабушка Анна Львовна, как она

рассказывала, учила тебя языку с пяти лет». -- «А друг у меня один, закончил Саша, - это Стёпа». Я удивилась про себя, что такой спокойный Саша подружился с таким оторвой, как Стёпка! «Они, - подтвердил Андрей Андреевич, - очень хорошо ладят». -- «Да, - продолжал Саша, - со Стёпой интересно и весело. Но только почему-то он всё время дерётся, но не со мной».

После ужина я спросила Сашу: «Можно мне посмотреть твою комнату?» -- «Что вы, тётя Ася, конечно. Это же Васина комната!» -- «Теперь твоя», - ответила я, и мы направились в его комнату. Первое, что мне бросилось в глаза -- фотография над столом. Вместо фотографии Васиного отца теперь там была фотография Сашиной матери. В комнате было прибрано, нигде ничего не валялось, и даже стол был в полном порядке. Модель истребителя, которую когда-то собрал Вася, по-прежнему свисала с потолка. Спросила Сашу: «Можно посмотреть твои книги?» -- «Конечно». Ни самолётов, ни дирижаблей, ничего военного. На полке стояли «Охотники за микробами», эту книгу я читала в детстве, «Занимательная ботаника», «Звери и птицы» и книжка, о которой я не знала: «Рассказы о собаках и кошках». Почему-то я обрадовалась набору этих книг. И тут Саша меня спросил: «А можно завести кошку?» Как-то никогда не думала о кошке. Ответила: «Спроси тётю Паню. Если она будет за, носи котенка». Саша просиял.

Тут в комнату вошла Оленька, сказала: «Хочу тебе пока-

зять Васины письма. Он прислал два рассказа о маленьком самолете». Мы с дочкой отправились в гостиную. Это были два коротких рассказа, текст отпечатан на машинке и украшен рисунками самолётика. Милые, смешные рассказы! Предложила Оленьке: «Вася и мне оставил рассказы о самолёте, и тебе прислал два. Давай будем собирать их вместе, сделаем книжку и подарим Васе». Оленька захлопала в ладоши.

Я пошла к себе в комнату. Посмотрела на свои картины, на девушку, заплетающую косу, сказала себе: «Как хорошо дома!»

Глава 5

ГОДЫ УЧЁБЫ

Вздыхнула и села за свой стол. На нём лежало несколько писем, пришедших в моё отсутствие. Два -- от Васи, которые я тут же распечатала. В одном он описывал свою курсантскую жизнь, идущую по строгому распорядку. Прошло немного времени с начала учёбы, ему всё нравится, особенно прыжки с парашютом. К самолёту их еще не допускают. В конце приписка: «Часто думаю об Алисе, мечтаю о встрече. Хотя боюсь, она ни к чему хорошему не приведёт». В другом письме было три фотографии. Одна подписана: «На тренировке». Вася и какой-то молодой человек в костюмах для карате пожимают друг другу руки. На другой -- Вася, складывающий парашют. А на третьей был кусок степи и точная подпись: какая степь, её координаты и даже название трёх степных растений. Знала, что в своё время на Кубани были замечательные степи. Это был клочок одной из них.

Третье письмо -- от брата. Он сообщал, что ему предстоит длительный рейс к Австралии, на полгода, и что он послан в Москву, чтобы договориться с сотрудниками Института географии принять участие в рейсе. Будут работать на островах. По дороге в Москву обещал заехать к нам. «Вот

куда надо отправить Лену! - обрадовалась я. - Вот её дорога!» Приедет брат, надо с ним поговорить, он, конечно, ещё не шеф, но заместитель начальника экспедиции и к его слову прислушаются. Лене пока ничего не буду говорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.